

чий¹⁵⁴. Сайоны не подлежали юрисдикции местных судей, наказывать и судить их мог только сам король¹⁵⁵.

Таким образом, институт королевских сайонов являлся важным политическим нововведением остготского правительства, — нововведением, порожденным насущными потребностями времени.

Генетически он восходил к периоду родо-племенных отношений, когда дружинники рейкса выполняли все его поручения. Но в новых общественных условиях образования государства и формирования феодализма у остготов этот институт не мог, конечно, полностью оправдать надежд, возлагавшихся на него королем и придворной знатью.

Как уже было упомянуто, ход борьбы между различными группировками остготской знати непосредственно сказывался на отношении правительства к римско-италийской аристократии.

Если в первую половину царствования короля Теодориха, когда у кормила правления стояла служивая остготская знать, во внутренней политике остготского правительства преобладало стремление к сближению правящей верхушки королевства с наиболее влиятельными кругами римской сенаторской аристократии и высшего католического духовенства, то в последние годы правления этого короля, когда политическое преобладание в стране перешло к провинциальной военной знати, все явственнее начало проявляться расхождение между остготской феодализирующейся знатью и представителями старой римской рабовладельческой аристократии.

Трещина, наметившаяся еще в предшествующее время и выразившаяся в отеснении римской знати от влиятельных государственных должностей, теперь все более и более углублялась и расширялась и привела в конце царствования короля Теодориха к серьезному конфликту между остготским правительством и римской сенаторской аристократией.

В буржуазной историографии причины этого конфликта обычно усматривались то в этнических различиях и национальной вражде остготской и римской знати¹⁵⁶, то в столкновении двух культур — римской (представителями которой являлись казнённые Теодорихом римские сенаторы Боэций и Симмах) и «варварской» — остготской¹⁵⁷, или двух религий — арианства и католичества¹⁵⁸.

Попытка более углубленного объяснения этого конфликта была сделана в труде немецкого ученого Э. Штейна, который стремился вскрыть в первую очередь политические причины, заставившие Теодориха в конце своего правления изменить политику по отношению к высшей сенаторской аристократии Италии¹⁵⁹.

Э. Штейн в своем труде правильно подчеркивает, что если король Теодорих в начале своего царствования заигрывал с сенаторской аристократией и высшим католическим духовенством, то впоследствии, располагая значительными военными силами и укрепив свою власть, он перешел к политике некоторого ограничения политического влияния сената, вызвав тем самым появление сенаторской оппозиции¹⁶⁰.

¹⁵⁴ Cassiod., Var., IV, 27, 28; VII, 42; IX, 2.

¹⁵⁵ Ibid., IV, 27, 28.

¹⁵⁶ L. Hartmann. Geschichte Italiens, Bd. I, S. 324; W. Ensslin. Theoderich der Grosse, S. 182.

¹⁵⁷ L. Schmidt. Ostgermanen, S. 218.

¹⁵⁸ П. Н. Кудрявцев. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850, стр. 35—38.

¹⁵⁹ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, p. 124—132.

¹⁶⁰ Ibid., p. 120.